

Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры.
Пріятный трепеть вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется молодой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ-ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ?
Не знаю! — Если-бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ-бы сволочь различить со знатію;
Но духъ... извѣстно, что такое духъ! —
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль — безъ тѣла, часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася, — и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался — стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется-ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,